

Монография А.Э. Котова освещает эволюцию социально-политических воззрений, историю мировоззренческих размежеваний и формирования политических группировок русских консерваторов второй половины XIX в. Среди других идейных течений эпохи консерватизм отличался, пожалуй, наибольшей внутренней сложностью, и многие аспекты его истории до сих пор вызывают споры среди учёных. Автор вносит значительный вклад в изучение данной темы, анализируя взгляды и деятельность М.Н. Каткова и публицистов его круга — как ближайших сотрудников «московского трибуна», так и тех, кто занимал самостоятельную позицию, но был связан с ним определённым единством убеждений. Как правило, это фигуры, игравшие видную роль в общественно-политической и интеллектуальной жизни России второй половины XIX в., но к настоящему времени зачастую забытые, причём почти всегда — незаслуженно. Среди них — многолетний редактор «Русского вестника», профессор Московского университета Н.А. Любимов; блестящий авантюрист, историк и дипломат С.С. Татищев; крупный учёный-славист П.А. Кулаковский и др. Изучение этой неоднородной, пронизанной противоречиями и в то же время живой, развивавшейся общности позволяет автору глубже осмыслить идеи тех, кто пытался — в конечном счёте, безуспешно — противостоять развитию России по либеральному или революционному пути.

Особое место в спорах русских консерваторов занимал вопрос о характере русской нации, ставший особенно актуальным после отмены крепостного права, в условиях неуклонного разрушения традиционной сословной системы. Как показано в книге, в 1860–1880-е гг. разброс мнений на сей счёт был весьма значителен даже среди тех публицистов, которые признавали основными объединяющими «национальными» факторами язык, подданство и лояльность, т.е. выступали, по сути, за строительство нации на политических (гражданских) началах. Настаивая на необходимости жёсткой централизации в ходе нациестроительства, Катков, склонявшийся в первой половине 1860-х гг. к либерализму, постепенно пришёл к защите неограниченного самодержавия и максимальной концентрации власти в руках монарха. В 1880-е гг. это привело его в ряды идеологов контрреформ. М.Ф. Де-Пуле и В.Я. Шульгин, видевшие в нации скорее союз «трёх русских народов» (великорусского, малорусского и белорусского), полагали, что без равноправия всех слоёв населения и развития институтов общественного самоуправления обеспечить национально-политическое единство России не удастся. В свою очередь, попытка создания нации на сугубо гражданских, политических основах вызывала протест у славянофилов, в частности у И.С. Аксакова и поддержавшего его М.О. Кояловича. Эти деятели небезосновательно утверждали, что без духовного (религиозного) единства любая национальная общность окажется весьма хрупкой и нежизнеспособной конструкцией.

Церковные вопросы волновали как «катковцев», так и других представителей «русской партии». Особенно остро звучала проблема возможности и пределов автономии Церкви от государства. При этом такие адепты «византизма», как К.Н. Леонтьев и Т.И. Филиппов или Н.Н. Дурново, ратовавшие за расширение связей с греческими патриархами и надеявшиеся с их помощью добиться большей независимости Церкви от бюрократии, публично поддерживали весьма далёких от «русской партии» мыслителей, например, противника всякого национального изоляционизма и ревнителя сближения православия и

католичества В.С. Соловьёва. Возникновение подобных идейных «альянсов» и столь же причудливых размежеваний разобщило консерваторов и не позволяло им «единым фронтом» выступать против своих соперников.

Разделяли консерваторов и дискуссии о внешней политике, особенно обострившиеся с конца 1870-х гг. После Берлинского конгресса и неудач русской дипломатии на Балканах в 1880-е гг. охранители (особенно С.С. Татищев и В.А. Грингмут) всё чаще рассматривали международные отношения с позиций «национального эгоизма» и критически отзывались об «альтруистических» лозунгах, будь то «европейское равновесие» или помощь «братьям-славянам». Впрочем, полностью отказаться от панславизма им так и не удалось. Тот же Татищев, проповедовавший прагматизм, в своих исторических трудах восхвалял Александра II, который «освободил от мусульманского ига племенные и единоверные... христианские народы Европейского Востока», т.е. осуществил как раз идеалистическую программу. Любопытно, что Катков и его сотрудники (Татищев, И.Ф. Цион) в 1880-е гг. практиковали и своего рода «параллельную дипломатию», налаживавшую неформальные контакты с зарубежными политиками и одновременно критиковавшую в печати действия МИД. Подобные явления, ставшие возможными вследствие того, что в пореформенное время «Московские ведомости» оказались, по выражению Каткова, «не просто газетой, а случайным органом государственной деятельности», свидетельствовали о глубине и остроте кризиса, охватившего правительственный аппарат. Становилось ясно, что традиционные бюрократические методы управления не справляются при решении всё большего количества общественно-политических проблем.

Но если «департамент Каткова», пользуясь нравственной и деловой независимостью, не вызывавшей сомнений в обществе, мог, даже ругая того или иного министра, защищать государство, то журналисты официозных изданий, скованные в своей полемике необходимостью придерживаться ведомственных оценок, теряли убедительность, а вместе с ней и аудиторию. Котов прекрасно показал это в биографическом очерке, посвящённом профессору П.П. Цитовичу, редактировавшему в 1880 г. газету «Берег». На судьбах консервативной журналистики негативно сказались и особенности личности «московского трибуна». Будучи человеком предельно харизматичным и самовластным, Катков попросту не потерпел бы рядом с собой деятеля, равного ему по дарованиям и масштабу личности (за исключением скончавшегося в 1875 г. П.М. Леонтьева). Все сотрудники «львовяrostного кормчего» заметно ему уступали, и когда он умер, адекватной замены просто не нашлось. С этим во многом было связано падение влияния консервативной прессы, проигравшей в начале XX в. либералам и революционерам борьбу за основную массу русских читателей. В целом, как показано в книге, размежевания в среде русских консерваторов оказались значительно сильнее объединявших их факторов, что, в конечном счёте, самым трагическим образом отразилось на судьбе этого идейного течения.